
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY

ПОНИМАНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙНОГО МИФА КАК ДИСКУРСА

М.М. ЕЛФИМОВА

Оренбургский государственный педагогический университет
(ФГБОУ ВО ОГПУ),

г. Оренбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0996-6309>,

e-mail: elfimovamarya@yandex.ru

Актуальность. Предлагаемое теоретическое исследование позволит уточнить понимание феномена семейного мифа в контексте постмодернистского развития психологического научного знания и обусловлено запросом на психотехническое обновление психологической практики, ориентированной на конструктивное взаимодействие человека в семье, осознание своих ценностей, предпочитаемой им идентичности в условиях современных реалий. Особенность такой практики заключается в принятии и понимании истории человека без конкретизации и усиления беспомощных, болезненных и патологических аспектов этой истории. **Методы.** Теоретический анализ научных источников, сравнительный анализ, обобщение. **Цель исследования** заключается в обосновании возможности рассмотрения феномена семейного мифа как дискурса. **Результаты и выводы.** Представлена новая трактовка феномена семейного мифа в контексте нарративного подхода в психологии. Семейный миф определяется как дискурс, который воспроизводится в семейной коммуникации в виде не имеющих очевидного авторства убеждений, берущих под контроль поведение членов семьи, с целью поддержания гомеостаза семейной системы и соответствия критериям семейной идентификации. Предложенный вариант интерпретации семейного мифа как дискурса открывает возможности психологической работы с ним в формате практики деконструктивного выслушивания, под которым понимается особый тип выслушивания, когда любой жизненный сюжет рассматривается как актив-

но конструируемая история и ставится под сомнение непреложность любых жизненных нарративов. С помощью перемещения по мифологической конструкции через отстраненную (критическую) позицию, у человека появляется собственный текст (нарратив) как предпочитаемая история своей жизни.

Ключевые слова: семейный миф, семейная история, дискурс, нарратив, деконструкция.

Для цитаты: *Елфимова М.М.* Понимание и определение семейного мифа как дискурса // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 2. С. 8—23. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300202>

UNDERSTANDING AND DEFINING FAMILY MYTH AS A DISCOURSE

MARIYA M. ELFIMOVA

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0996-6309>,

e-mail: elfimovamarya@yandex.ru

Relevance. The proposed theoretical study will, first, clarify the understanding of the phenomenon of the family myth in the context of postmodern development of psychological scientific knowledge. Secondly, it is connected with a demand for psychotechnical renewal of psychological practice focused on constructive interaction of a person in a family, realization of his values, his preferred identity in the conditions of modern realities. The peculiarity of this practice consists in acceptance and understanding of the person's history without concretization and amplification of the helpless, painful and pathological aspects of this history. **Methods.** Theoretical analysis of scientific sources, comparative analysis, generalization. **Objective.** To substantiate the possibility of considering the phenomenon of family myth as a discourse. **Conclusions.** Presented a new interpretation of the phenomenon of family myth in the context of the narrative approach in psychology. Family myth is defined as a discourse that is reproduced in family communication in the form of beliefs without obvious authorship, excluding their critical reflection, taking control over the behavior of family members in order to maintain the family system homeostasis and meet the criteria of family identification. The proposed variant of interpretation of family myth as a discourse opens up possibilities of psychological work with it in the format of deconstructive listening practice, which is understood as a special type of listening where any life story is seen as an actively constructed story, questioning the immutability of any life narrative. By moving through the mythological construction through a detached (critical) position, thanks to other sign-symbolic constructions, one has one's own text (narrative) as the preferred story of one's life.

Keywords: family myth, family history, discourse, narrative, deconstruction.

For citation: Elfimova M.M. Understanding and Defining Family Myth as a Discourse. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 2, pp. 8—23. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300202> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Радикальные социокультурные, культурно-исторические изменения, сложность и неоднозначность современного мира, не могут не отражаться на жизнеспособности семьи и благополучии ее членов в частности. Любая угроза семейной идентичности запускает семейный миф, функционал которого обеспечить гомеостаз семейной системы. «Семьи в целом ригидно воспроизводят свой прошлый опыт, мало учитывая изменения в большой системе — обществе» [27, с. 237]. Ориентированные на сохранение целостности семьи, они (семейные мифы) вместе с тем становятся угрозой психологического благополучия ее отдельных членов, когда «потребности личностей в росте и изменениях, в самоактуализации и кооперации оказываются неудовлетворенными» [27, с. 237].

Вторым же моментом, определяющим актуальность поднимаемого вопроса, является необходимость предложения нового ракурса рассмотрения семейного мифа в связи со сменой научных парадигм в психологии — модернизма, постмодернизма (а сейчас уже и метамодернизма). И предлагаемая интерпретация семейного мифа как дискурса (то есть как доминирующего знания среды, определяющего «кто может занять в ней властные позиции» [7, с. 98]) — это поиск новых познавательных возможностей. Предложение такого пересмотра феномена семейного мифа открывает и новые психотехнические возможности психологической помощи как семье в целом, так и ее отдельным членам в частности. Таким образом, научная актуальность рассмотрения мифа как дискурса связана с методологической и методической проблемами современного научно-практического психологического знания.

Целью представляемого анализа становится ответ на вопрос о возможностях рассмотрения семейного мифа как дискурса и реализации не травматичной деконструктивной практики, которая позволяет человеку ослабить хватку анонимных правил, действий по умолчанию, отнестись к обозначенной манифестации мифа именно как к одному из способов восприятия мира (истины), и обеспечить возможность своего самоопределения в ценностно-смысловом пространстве. Заявленная цель будет достигаться путем решения следующих задач:

1) общее уточнение понимания мифа в социо-психологических и антропо-психологических исследованиях, как родового понятия, раскрывающего сущность семейного мифа;

2) рассмотрение определений семейного мифа в психологических исследованиях;

3) раскрытие понятия дискурса в ракурсе постмодернистской парадигмы (М. Фуко), социального конструкционизма (К.Дж. Герген), постструктурализма (Ж. Деррида) как основных контекстов нарративной практики;

4) формулирование определения семейного мифа в формате «дискурсивного поворота» в психологии, и, как следствие, обоснование преимуществ нарративного подхода в работе с семейными мифами как практики, ослабляющей давление доминирующих дискурсов — историй, претендующих на непреложность и истинность, в результате чего человек обретает способность «переживать новое представление о себе, новые возможности во взаимоотношениях и новое будущее» [20, с. 22].

Научная новизна проведенного анализа заключается в следующем. Во-первых, в системной семейной психотерапии не проводится уточнение понимания семейного дискурса как феномена, а даётся лишь общая его характеристика как когнитивного образования. Во-вторых, новый ракурс рассмотрения мифа как дискурса обращает к пересмотру позиций в диаде клиент—психотерапевт, а именно вопросов их сотрудничества, и приводит к «выделению понятия субъектной позиции и важности её поддержки при оказании психологической помощи» [25, с. 21]. С позиции системной семейной психотерапии «семейному психотерапевту нужно понимать содержание мифа, потому что без этого часто неясны мотивы поступков людей, которые живут в этой системе» [4, с. 73]. Таким образом, получается, что миф запаковывает в себя человека и начинает претендовать на определение его идентичности. Поведение клиента становится понятным терапевту только внутри рамок мифа, и получается, что не человек говорит о своих интенциях, а наложенный терапевтом на ситуацию клиента миф берет на себя объяснения и по умолчанию лишает слова самого человека. Нарративная деконструктивная практика пересматривает этот протокол взаимодействия со «слово предоставляется мифу» на «слово представляется человеку (клиенту)». Миф описывает семейную идентичность, тогда как нарративному терапевту важно сразу поддержать предпочитаемую идентичность человека и через совместное исследование двинуться в ее конструирование, пригласив клиента занять авторскую позицию к происходящему.

Понимание мифа в социо-психологических и антропо-психологических исследованиях

Мифы есть маршрутная карта опыта, внутренние «дорожные» знаки, созданные людьми, «частицы информации», имеющие «непосред-

ственное отношение к темам, поддерживавшим жизнь людей» [9, с. 18], а значит кодифицирующие определенные правила и артикулирующие определенные поведенческие ориентиры.

«Мифы и построенные на их основе картины мира выполняют одну и ту же функцию: служат нам для ориентации во внешнем и внутреннем мире, структурируют внешний и внутренний опыт, позволяют действовать и что-то менять во внешнем и внутреннем мире», — отмечают Г.А. Цукерман и Б.М. Мастерсов [26, с. 280].

Обращаясь к мифосемантической концепции развития личности в онтогенезе, А.М. Лобок определяет миф как высшую смыслопорождающую инстанцию: «Именно миф оказывается тем высшим регулятором, который упорядочивает отношение человека к всепредметному миру и позволяет человеку не сойти с ума перед лицом открывающихся ему бесконечных предметных возможностей... Именно миф расставляет перед человеком систему своеобразных “указателей”: что должно являться более ценным, а что — менее...» [10, с. 56].

В исследовании персонального мифа в психологическом консультировании Э.И. Мещеряковой миф представляет собой «создание концепта самого себя в процессе экзистенциальной коммуникации, который, являясь исходно личностным феноменом, имеет аутокоммуникативную, диалогическую природу» [11, с. 52].

Определяя миф как базисное коллективное преставление, Д.П. Козолупенко (Пашинина) выделяет две его основные функции. Первая — адаптивная, когда человеку обеспечивается «уютное» пребывание в своей культуре. «Миф является нашей адаптивной психологической функцией, определенным образом формирующей наше мировосприятие и обеспечивающей человеку если не комфорт, то, по меньшей мере, некоторый уровень приемлемости бытия» [16, с. 60]. Вторая — творческая или снятие ограничений, обеспечивающая интерес человека к тому, что находится за рамками заданного мировосприятия.

Эта диалектическая функция мифа встречается и в работах Г.Б. Бедненко. В широком смысле миф определяется ею как «образ мира (и индивида по его подобию) и история мира», концентрат определенного смысла и силы в «мире идей», достаточные для того, чтобы они могли получить свое распространение на мир повседневности, для последующей надстройки на ее основе индивидуального и коллективного представления о мире [1]. Раскрывая функции мифа, Г.Б. Бедненко заявляет, что «первой функцией мифа остается защита человека, предоставление ему границ познаваемого Космоса (в рамках мифа) посреди непознанного Хаоса. Второй его функцией мы назовем развитие, вызов, испытание, некое требование, которое предоставляет миф человеку, чтобы тот был способен себя человеком (а не животным или стихийным существом) осознавать» [1, с. 44].

«Мифологема чаще всего рефлексруется как правильное представление, в истинности которого его носитель не сомневается и которое является для него сверхзначимым» [19, с. 13]. Комбинация нескольких мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф, выступающий образцом поведения в реальной жизни.

Обобщая смысл представленных репрезентаций мифа, на полноту которых не претендовали, и как подведение итога решения первой поставленной задачи, отметим следующее.

1) Миф фокусирует сознание человека на чем-то одном, редуцирует его представления о самом себе, об окружающих, о мире. И, в этом случае, миф создает риск для благополучия личности. Конструируя субъективную реальность человека, миф упрощает и лишает ее глубины смысла. Любой миф — это ограничение, он купирует личность как носителя сложной смысловой модели.

2) Однако, человек, обладающий свободой действий по отношению к собственному мифу, не имеет ограничений в развитии и реализации своего личностного потенциала. Через миф человеком конструируется выход за свои пределы, которое определяет его новое отношение к себе, к окружающим, к миру.

Анализ определений семейного мифа в психологических исследованиях

Оперировать термином «семейный миф» первоначально было предложено психиатром А. Феррейра, который объяснял его как «защитный механизм для поддержания единства в дисфункциональных семьях» [28, с. 86].

Т.М. Мишина, оперируя понятием «мы» или «образ семьи», как целостным интегрированным образованием (семейное самосознание), дифференцирует его на адекватный образ «мы» и неадекватный образ «мы» [12]. Последний, определяемый как согласованные селективные представления о характере взаимоотношений в семье с нарушенной коммуникацией, и определяется как семейный миф, задача которого создать для каждого члена и для семьи в целом непротиворечивый публичный образ, согласовывающий идеализированные представления друг о друге.

Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис, обобщая свою историю рассмотрения семейного мифа, определяют его как «неосознаваемое взаимное соглашение между членами семьи, функция которого состоит в том, чтобы скрывать от осознания отвергаемые образы (представления) о семье в целом и о каждом ее члене» [27, с. 235].

«Семейный миф — это форма описания семейной идентичности, некая формообразующая и объединяющая всех членов семьи идея, или

образ, или история. ... В мифе содержится знание о том, что принято, а что не принято в семье думать, делать и говорить, чувствовать, осуждать, ценить» [4, с. 72].

Семейный миф есть концепция, легенда, верование, инсталлируемые в семейной истории [24].

Размещая в фокусе исследовательского рассмотрения семейные нарративы, Е.Е. Сапогова выделяет особую группу текстов — семейные прецедентные тексты, задача которых охарактеризовать, индивидуализировать и укрепить «Мы-образ» семьи [17]. Имея свойство воспроизводиться в макро- и микрокультуре, их знание для члена определенной социокультурной общности предполагается само собой разумеющимся. Успешно повторившись в семейной коммуникации, семейный прецедентный текст формирует семейный концепт — социопсихическое образование, обеспечивающее каждого члена семьи возможностью «выделять в качестве важного, ценностного и требующего безусловного усвоения определенные онтологические зоны, в которых он начинает “повсюду быть дома”, то есть переживать свое отношение к миру в целом, к бытию» [17, с. 177].

В своем исследовании А.А. Нестерова рассматривает семейный миф как совокупность представлений о семье, среди которых выделяются наиболее консервативные, глубинные кластеры, данные в эмоционально-символической форме для интерпретации действительности, они составляют костяк семейного самосознания [14]. Семейный миф ведет к искажению адекватной оценки семейной ситуации, что в свою очередь приводит к неконструктивному и малоадаптивному взаимодействию [там же].

«Семейный миф (семейное бессознательное) — это социально-психологический феномен (целостное интегрированное образование), базирующееся на механизмах психологических защит, используемых для поддержания единства в семье в течение многих поколений» [2, с. 167].

Представление, концепция, соглашение, форма описания ... — все это варианты проявления дискурсивной (речевой) практики, и ее «нельзя путать ни с экспрессивными операциями, посредством которых индивидuum формулирует идею, образ, желание, ни с рациональной деятельностью, которая может выполняться в системе выводов, ни с «компетенцией» говорящего субъекта, когда он строит грамматические фразы. Это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [21, с. 227—228]. Прибегая к заданному контексту, можно говорить о «политическом дискурсе», «юридическом дискурсе», «педа-

гогическом дискурсе» [21]. Продолжая эту идею М. Фуко, предлагаем говорить и о семейном дискурсе.

При всей вариативности предлагаемых трактовок в качестве общего знаменателя могут быть выделены следующие характеристики семейных мифов.

1) Они изначально несут в себе долженствование (предписание). Миф содержит указание на определенную норму, он апеллирует к некой одобряемой (разделяемой большинством) схеме понимания и поведения. Обращение мифа к его носителю всегда звучит как «должен».

2) Сверхобобщение, которое проявляется в отсутствии учета условий той или иной ситуации. Семейный миф не берет во внимание ни индивидуальные различия, ни какую-либо событийную вариативность. Перед мифом все равны.

3) Обеспечивают избирательность восприятия. Это находит свое проявление в том, что отдельная идея возводится в ранг нечто постоянного, инвариантного. Все, что как-то расходится с этой идеей, а, тем более, противоречит ей, игнорируется. Восприятие того или иного значимого события, поступок, как бы загоняется в тоннель, отсекает видимость альтернатив. Селективность восприятия обеспечивается еще и тем, что суждение, презентованное семейным мифом, всегда является однозначным и выстроено по принципу «черное-белое».

Репрезентация понимания семейного мифа через дискурс

Далее, чтобы совместить и репрезентировать понимание семейного мифа через дискурс, обратимся и рассмотрим его определения и функциональные характеристики.

М. Фуко дискурс определяется как совокупность высказываний, принадлежащих одной формации [22]. Каждый период истории представлен дискурсами, определяющими, какое знание следует считать истинным [там же]. Анализируя социальные истоки знания, К.Дж. Герген отмечает, что все, что принимается нами как истина, привносится в жизнь человека исторически действующими группами и определяется культурой этих групп [5]. «Каждый миф в истории человечества получает ту необходимую интерпретацию, требуемую обществом, которою этот миф отражает» [13, с. 281]. «И напрасно дискурс предстает с виду чем-то малозначительным — запреты, которые на него накладываются, очень рано и очень быстро раскрывают его связь с желанием и властью» [22]. Дискурсивная практика, как совокупность анонимных правил, становится практикой надзора и контроля [8]. Дискурс берет на себя опосредствующую функцию, становится проводником особого типа власти — дисциплинарной

власти, «власти-знания» [23]. Когда управление осуществляется от имени нормы, которая навязывается человеку как эталон и критерий его оценки. Дисциплинарная власть — это власть нормы и эталонов (образа жизни, поведения), на соответствие которым проводится постоянная проверка себя через интериоризированные культурные нарративы (дискурсы). «Вырастая в том или ином обществе, люди интернализируют доминирующие нарративы своей культуры и подчиняют им свои действия и восприятие. Эти доминирующие нарративы могут вступать в конфликт с важными аспектами собственного жизненного опыта человека; в частности, они могут обесценивать этот опыт, сужать жизненные возможности и лишать жизнь смысла» [15, с. 28].

Дискурс как комплекс инструкций, адресованных индивиду для выполнения определенных действий, становится рамкой, или, как определяет Ж. Деррида, «оградой» [6]. И чтобы он не сделал человека своим заложником, «необходимо ввести критические понятия в круг осмотрительного, выверенного дискурса, обозначить условия, обстоятельства и границы их действительности, твердо указав на то, что и сами они принадлежат той машине, которую способны разладить (*deconstituer*), а тем самым — и на тот пробел, сквозь который просвечивает пока еще безымянный свет, мерцающий по ту сторону ограды» [6, с. 128]. Нами усматривается здесь обозначение принципа деконструирующей работы, которая не основана на простом исключении и замещении одной идеи другой, речь идет о специфическом отношении к дискурсу как к тексту, предполагающее осуществление разоблачительной реконструкции, освобождающей новые основания для идентификации собственного «нулевого» текста. Понятия, о которых говорит Ж. Деррида, это также знаково-символические конструкции, орудийно воспользовавшись которыми, личность возвращает отобранное дискурсом (довлеющей идеей) авторство.

Таким образом, обращает на себя внимание, что ранее выделенные характеристики семейного мифа представляют, по сути, характеристики дискурсивного образования: 1) миф обеспечивает «практику послушания» через озвучивание убеждений о том, что «нормально» или «принято», тем самым осуществляя контроль за стабильностью в семейной системе; 2) миф ориентирован не на учет индивидуальных различий, уникальности каждого, а на согласование идеализированных представлений членов семьи; 3) погруженный в семейную коммуникацию, миф как дискурс определяет представления человека о мире, его мнения, установки, интенции, которые представляют собой слепок картины мира, сформировавшейся в семье, и инсталлировавшийся в мировоззрение отдельно взятого ее члена. «... как только мы определили, чем является этот мир, мы, тем самым, уже неявно предпочли некоторые способы жизнедеятельности (формы жизни) всем прочим» [5]. 4) Пере-

мешаясь по мифологической конструкции через отстраненную (критическую) позицию благодаря иным знаково-символическим конструкциям, появляется собственный текст (нарратив), как предпочитаемая история своей жизни, свободная от чужих смыслов (дискурсов).

На основании проделанного анализа и выделенных в результате признаков, предложим следующий вариант определения семейного мифа. *Семейный миф — дискурс, воспроизводящийся в семейной коммуникации в виде не имеющих очевидного авторства убеждений, требующих их безусловного усвоения, функция которого заключается в поддержании гомеостаза семейной системы и соответствия критериям семейной идентификации.*

Семейная история как гипертекст, в который в том числе встроен семейный миф, транслирует ребенку основные ценностно-смысловые ориентиры, или, как обозначает их Е.Е. Сапогова, «символы социально-культурного мироустройства». Будучи интериоризированными, они отстраивают индивидуальную картину мира. В таком контексте «сама личность оказывается иерархией дискурсов: человек никогда не ведет индивидуальную игру, скорее, он является той сценой, на которой свою игру разыгрывают социальные дискурсы» [3, с. 57]. Вместе с тем выше уже была обозначена диалектическая природа мифа. Создавая разрыв между тем, что «надо» и тем, что действительно имеет ценность и несет смысл для человека, семейный миф становится своего рода меткой-трамплином, который дает возможность выполнить функцию поиска человеком самого себя и самоидентификации [18]. Рамка как граница, создаваемая семейным мифом, одновременно провоцирует человека занять собственную авторскую позицию по отношению к транслируемой само собой разумеющейся идее, «когда доминирующие нарративы не позволяют ... прожить свои собственные предпочтительные нарративы, или когда человек активно участвует в воплощении историй, которые он находит бесполезными» [20, с. 65]. Практика подчинения власти семейного мифа, как доминирующего дискурса, теряет контроль над человеком, когда в нарративной беседе консультант предлагает занять позицию выбора «по отношению к бесполезным для него метанарративам, благодаря чему он сможет противостоять им, получив тем самым возможность переписать свою историю так, как ему будет удобно» [7, с. 99].

Здесь неизбежно подходим к вопросу, что работа с семейным мифом может быть организована с опорой на разное теоретико-методологическое основание.

А.Я. Варга схему работы с семейным мифом видит в замене ритуалов, поддерживающих миф, на ритуалы, которые этот семейный миф не поддерживает [4]. В чистом виде мы имеем дело в этом случае с бихевиоральной схемой работы, поведенческой терапией. Сложность реализации такой стратегии А.Я. Варга усматривает только в точном вы-

числении поведенческих ритуалов, через которые миф проявляет себя в данной семье, обнаружении того взаимодействия, с помощью которого он воспроизводится, и того, кто выступает инициатором поддерживающего миф взаимодействия. «После этого надо изобрести некий другой ритуал, другую поведенческую последовательность, которая должна осуществляться именно тогда, когда совершался ритуал, поддерживавший миф» [4, с. 106].

С точки зрения дискурсивного (нарративного) подхода к практике консультирования это, во-первых, приобретает характер директивности и экспертности, во-вторых, создает риски формирования очередного семейного концепта (семейного мифа) как идеи, действующей по умолчанию.

Авторская методика коррекции деструктивных конструктов поведения человека средствами анализа семейных сценариев и мифов, предлагаемая А.В. Зобковым, А.Г. Писненко, Т.В. Шахворостовой, «состоит в том, чтобы выявить травмирующий фактор, первооснову семейной проблемы и проработать ее корни, изменив семейный пессимистический сценарий на оптимистический» [25, с. 63]. Методическая реализация основываться на идее метода психодрамы.

На взгляд авторов статьи такой подход в работе с семейным мифом оставляет открытым вопрос о рисках ретравматизации членов семьи.

Обоснование целесообразности рассмотрения семейного мифа как дискурса перестраивает фокус работы с ним. «Фокус исследования перемещается с описания исследуемых феноменов как части внутренней жизни на их понимание как конструкций в беседах или письменной речи индивидуумов, касающихся определенных событий» [3, с. 58]. Это определяет возможность нарративного исследования семейного мифа, реализуемого в формате неэкспертного, деконструктивного расспрашивания (нарративной беседы). Постулат любознательности, о котором заявляет К.Дж. Герген, развивая идеи социального конструкционизма, «приглашает всех нас к диалогу, касающемуся тех открытий и упущений, которые мы унаследовали от прошлого» [5]. В деконструирующей беседе действует принцип множественности истин, и направление расспрашивания задает вопрос: «что случится с нами — благо или вред, — если мы предпочтем одно воззрение другому, прямо противоположному?» [5]. А уже отмеченная нами креативная функция мифа, или как ее видел А.М. Лобок, осуществление диалога с культурой через миф, «позволяет сформулировать новые принципы рациональности, отталкиваясь от этих новых конструкций, мы можем приблизиться к более богатым и содержательным формам жизни» [5]. Таким образом, практика деконструктивного выслушивания открывает перспективу для нарративов, которые ранее были сдвинуты на периферию сознания, и ослабляет контроль ограничивающих, императивных дискурсов — семейных мифов.

Выводы

Завершая анализ предложенной проблематики, резюмируем итоги рассмотрения по обозначенным в начале статьи задачам.

1) Миф — редуцированное представление человека об устройстве мира, выполняющее функцию ценностно-смысловой ориентировки и регулятора поведения. Инструменталистика мифа, как знаково-символической конструкции, обеспечивает человека, с одной стороны, возможностью адаптироваться в пространстве его социального включения и организовать свою жизнь как не выходящую за пределы непосредственных устойчивых связей с другими людьми в условиях налаженного быта. С другой стороны, проявить себя в свободе выбора и ценностном обретении того, что ранее находилось за пределами мифологической рамки, мифологического восприятия.

2) В контексте семейной системы, семейных связей, миф может быть рассмотрен как аффективно-когнитивное образование, согласовывающее отдельные представления о допустимости и недопустимости определенных взаимоотношений, паттернов поведения, формирующих в конечном итоге непротиворечивый, константный образ семьи, через который обеспечивается предсказуемое, контролируемое поведение всех ее членов.

3) Находясь под его влиянием, человек начинает «как бы» проживать не свою жизнь, а всего лишь репрезентировать семейную историю с ее инсталлированным дискурсом — доминирующей идеей, текстом. Жизнь человека берется под контроль и управляется этой идеей от имени некой нормы, которая в какой-то момент вступает в конфликт с важными аспектами собственного опыта человека, подвергая его ценностной девальвации.

4) Понимание и переживание влияния семейного дискурса предстает как ситуация разрыва. «Когда господствующие в обществе мифы оказываются не в состоянии соответствовать разнообразию тех трудных ситуаций, в которые попадает современный человек, его разочарование в первую очередь выражается в “мифоклазме”¹, а затем — в поисках внутренней идентичности» [13, с. 11]. Именно эта позиция, как лучшего эксперта и автора собственной жизни, предлагается человеку (клиенту) в деконструктивной практике, посредством которой через исследование влияния семейного дискурса и его последствий конструируется новое суждение о собственной жизни, ее ценностных основаниях — собственная история человека.

¹ Исчерпание экзистенциальных, смысложизненных основ и возможностей мифа, обуславливающее изменение всей сложившейся на его основе картины мира в самосознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бедненко Г.Б.* Пространство мифа // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 37—44.
2. *Богатырева М.Х.* Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 109. С. 164—170.
3. *Бусыгина Н.П.* «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. Том 18. № 1. С. 55—82.
4. *Варга А. Я.* Введение в системную семейную психотерапию. М.: «Когито-Центр», 2017. 182 с.
5. *Герген К., Вархус Л., Уортэм С.* Социальная конструкция в контексте / Пер. с англ. А.А. Киселева, Ю.С. Вовк. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. 328 с.
6. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. Москва: Ad Marginem, 2000. 511 с.
7. *Жорняк Е.С.* Нарративная психотерапия: от дебатов к диалогу // Консультативная психология и психотерапия. 2001. Том 9. № 3. С. 91—124.
8. *Кроссли Мишель Л.* Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов / пер. с англ. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», 2020. 284 с.
9. *Кэмпбелл Дж.* Сила мифа / пер. с англ. Н. Ханелия, П. Ярьшева. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 301 с.
10. *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
11. *Мещерякова Э.И.* Персональный миф в психологическом консультировании: дисс. ... д-ра. психол. наук. Барнаул, 2001. 318 с.
12. *Мишина Т.М.* Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» // Психогигиена и психопрофилактика: Сб. науч. тр. / под ред. В.К. Мягер, В.П. Козлова, Н.В. Семеновой-Тянь-Шанской. Л.: 1983. С. 21—26.
13. *Мэй Р.* Взывая к мифу. СПб.: «Питер», 2021. 336 с.
14. *Нестерова А.А.* Разработка и валидизация диагностического опросника «Анализ семейного мифа» // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 33—49.
15. *Патяева Е.Ю.* Системы социокультурного мотивирования: концептуальная модель. // Вестник МГУ Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 24—41.
16. *Пашинина Д.П.* Миф как основание и феномен культуры // Мир психологии. 2003. № 3. С. 57—62.
17. *Сапогова Е.Е.* Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности / под ред. Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромека. Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2002. С. 177—191.
18. *Сапогова Е.Е.* Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб.: «Алетейя», 2017. 364 с.
19. *Тюнников Ю.С., Мазниченко М.А.* Педагогическая мифология как область теоретического знания: некоторые актуальные проблемы // Наука и школа. 2004. № 5. С. 12—19.

20. Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия / пер. с англ.; под ред. М.Р. Гинзбурга. М.: Класс, 2001. 362 с.
21. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2020. 416 с.
22. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Электронный ресурс] / Составитель и переводчик: С.В. Табачникова. М., 1996. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 18.08.2020)
23. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2021. 416 с.
24. Холмогорова А.Б. Научные основания и практические задачи семейной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Том 10. № 1. С. 93—119.
25. Холмогорова А.Б. От главного редактора: предсказания А.Т. Бека о будущем психотерапии и опыт российских специалистов // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 3. С. 8—23. DOI:10.17759/cpp.2021290302
26. Шахворостова Т.В., Зобков А.В., Писненко А.Г. Методика коррекции деструктивных конструктов поведения человека средствами анализа семейных сценариев и мифов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 3. С. 63—68.
27. Цукерман Г.А. Мастеров Б.М. Психология саморазвития. М.: Интерпракс, 1995. 288 с.
28. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Издательство «Питер», 2015. 672 с.
29. Ferreira A.J. Family myths // *Psychiatric Research Reports*. № 20. 1966. P. 85—90.

REFERENCES

1. Bednenko G.B. Prostranstvo mifa [Myth Space]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* [Applied legal psychology], 2008, no 4, pp. 37—44.
2. Bogatyreva M.H. Mezhpokolennaja peredacha semejnoi istorii. Defekty peredachi [Intergenerational transmission of family history. Transmission defects]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2009, no 109, pp. 164—170.
3. Busygina N.P. «Diskursivnyj povorot» v psihologičeskijh issledovanijah soznaniija [«Discursive twist» in psychological consciousness research]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija* [Counseling psychology and psychotherapy], 2010, Vol. 18 (1), pp. 55—82.
4. Varga A.Ja. Vvedenie v sistemnuju semejnuyu psixoterapiju [Introduction to systemic family psychotherapy]. Moscow: «Kogito-Centr», 2017. 182 p.
5. Gergen K., Varhus L., Uortjem S. Social'naja konstrukcija v kontekste [Social construction in context]. per. s angl. Kharkov: Izd-vo «Gumanitarnyj Centr», 2016. 328 p.
6. Derrida Zh. O grammatologii [About grammatology]. per. s fr. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p.

7. Zhornjak E.S. Narrativnaja psihoterapija: ot debatov k dialogu [Narrative psychotherapy: from debate to dialogue]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija* [Counseling psychology and psychotherapy], 2001. Vol. 9 (3), pp. 91—124.
8. Krossli Mishel' L. Narrativnaja psihologija. Samost', psihologicheskaja travma i konstruirovanie smyslov [Narrative psychology. Self, psychological trauma, and the construction of meanings]. per. s angl. Kharkov: «Gumanitarnyj Centr», 2020. 284 p.
9. Kjempebell Dzh. Sila mifa [The power of myth]. per. s angl. N. Hanelija, P. Jarysheva. Sankt-Peterburg: Piter, 2019. 301 p.
10. Lobok A.M. Antropologija mifa [Anthropology of myth]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1997. 688 p.
11. Meshherjakova Je.I. Personal'nyj mif v psihologicheskom konsul'tirovanii: diss. dokt. psikhol. nauk. [Personal myth in psychological counseling: Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Barnaul, 2001. 318 p.
12. Mishina T.M. Semejnaja psihoterapija i dinamika «obrazasem'i» [Family psychotherapy and family image dynamics]. In Myager V.K., Kozlova V.P., Semenova-Tien-Shanskaya N.V. (ed.). *Psihogigiena i psihoprofilaktika: Sb. nauch. tr. [Psychogygiena and psychoprophylaxis: a collection of scientific works]*. pod red. V.K. Mjager, V.P. Kozlova, N.V. Semenovoj-Tjan'-Shanskoj. Leningrad: 1983. pp. 21—26.
13. Mjej R. Vzyvaja k mifu [Appealing to myth]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Piter», 2021. 336 p.
14. Nesterova A.A. Razrabotka i validizacija diagnosticheskogo oprosnika «Analiz semejnogo mifa» [Development and validation of the diagnostic questionnaire «Family Myth Analysis»]. *Vestnik MGOU. Serija: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State University. Series: Psychological Sciences], 2017, no 1, pp. 33—49.
15. Patjaeva E.Ju. Sistemy sociokul'turnogo motivirovanija: konceptual'naja model' [Systems of sociocultural motivation: conceptual model]. *Vestnik MGU Serija 14 Psihologija* [Bulletin of Moscow State University Series 14 Psychology], 2013. no. 1, pp. 24—41.
16. Pashinina D.P. Mif kak osnovanie i fenomen kul'tury [Myth as the foundation and phenomenon of culture]. *Mir psihologii* [The World of Psychology], 2003, no. 3, pp. 57—62.
17. Sapogova E.E. Mikrosocium sem'i i semejnij narrativ kak psihologicheskaja osnova kul'turnogo sociogeneza [Family microsocium and family narrative as psychological basis of cultural sociogenesis]. In Sinchenko T.Yu., Romeka V.G. (ed.). *Individual'nye i stilevyje osobennosti lichnosti* [Individual and style personality] pod red. T.Ju. Sinchenko, V.G. Romeka. Rostov-on-Don: JuRGI, 2002, pp. 177—191.
18. Sapogova E.E. Labirinty avtobiografii. Jekzistencial'no-narrativnyj analiz lichnyh istorij [Labyrinths of Autobiography. An existential-narrative analysis of personal stories]. St. Petersburg: «Aletejja», 2017. 364 p.
19. Tjunnikov Ju.S., Maznichenko M.A. Pedagogicheskaja mifologija kak oblast' teoreticheskogo znanija: nekotorye aktual'nye problemy [Pedagogical mythology as a field of theoretical knowledge: some current problems]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2004, no. 5, pp. 12—19.
20. Fridman D., Kombs D. Konstruirovanie inyh real'nostej: istorii i rasskazy kak terapija [Designing other realities: stories and stories as therapy]. In Ginsburg M.R. (ed.). Moscow: Klass, 2001. 362 p. (In Russ.).
21. Fuko M. Arheologija znanija [Archeology of knowledge]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Gumanitarnaya Akademiya », 2020. 416 p. (In Russ.).

22. Fuko M. Porjadok diskursa [Order of discourse]. *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to the truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Work of different years]. Jelektronnaja publikacija: Centr gumanitarnyh tehnologij. Electronic publication: Center for Humanitarian Technology. M., 1996. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (Accessed 18.08.2020).
23. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my [Supervise and punish. The birth of a prison]. Moscow: Ad Marginem, 2021. 416 p. (In Russ.).
24. Holmogorova A.B. Nauchnye osnovanija i prakticheskie zadachi semejnoj psihoterapii [Scientific foundations and practical tasks of family psychotherapy]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija* [Counseling psychology and psychotherapy], 2002, Vol 10 (1), pp. 93—119.
25. Holmogorova A.B. Ot glavnogo redaktora: predskazanija A.T. Beka o budushhem psihoterapii i opyt rossijskih specialistov [From the editor-in-chief: Beck's predictions about the future of psychotherapy and the experience of Russian specialists]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija* [Counseling psychology and psychotherapy]. 2021. Tom 29. № 3. pp. 8—23. DOI:10.17759/cpp.2021290302
26. Shahvorostova T.V., Zobkov A.V., Pisenko A.G. Metodika korekcii destruktivnyh konstruktov povedenija cheloveka sredstvami analiza semejnyh scenariev i mifov [Methods of correction of destructive constructs of human behavior by means of analysis of family scenarios and myths]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Youth studies. Sociokinetika], 2016, Vol. 22 (3), pp. 63—68.
27. Cukerman G.A. Masterov B.M. Psihologija samorazvitija [Psychology of Self-Development]. Moscow: Interpraks, 1995. 288 p.
28. Jejdemiller Je.G., Justickis V. Psihologija i psihoterapija sem'I [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Piter», 2015. 672 p.
29. Ferreira A.J. Family myths. *Psychiatric Research Reports*, 1966, no 20. pp. 85—90.

Информация об авторах

Елфимова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии, Оренбургский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО ОГПУ), г. Оренбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0996-6309>, e-mail: elfimovamarya@yandex.ru

Information about the authors

Mariya M. Elfimova, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor, Chair of age and pedagogical psychology, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0996-6309>, e-mail: elfimovamarya@yandex.ru

Получена 01.06.2021

Received 01.06.2021

Принята в печать 10.05.2022

Accepted 10.05.2022